

вательности, потому что оно утверждается на многихъ значительныхъ произведеніяхъ Пушкина, на его собственныхъ словахъ, на извѣстномъ стихотвореніи „Чернь“, но, тѣмъ не менѣе, авторъ считаетъ этотъ взглядъ въ сущности ложнымъ, и главнымъ аргументомъ противъ него онъ выставляетъ „неопровержимый фактъ“, именно московскій праздникъ 1880 года и нынѣшнее чествованіе памяти Пушкина. Этотъ фактъ, по мнѣнію г. Кирпичникова, указываетъ именно, что Пушкинъ былъ не только поэтъ-художникъ, но и поэтъ-гражданинъ: еслибы Пушкинъ былъ только представителемъ устарѣвшей поэтической школы, воспоминаніе о немъ было бы только академическимъ торжествомъ, а не русскимъ народнымъ праздникомъ; отчего же происходило это всеобщее увлеченіе, спрашиваетъ г. Кирпичниковъ, — и „неужели рѣчь Достоевскаго была только блестящей софистикой“?

Что она была софистикой — это многое думали тогда же. И, принимая взглядъ Бѣлинскаго, можно было отдать всѣ свои сочувствія обновленному воспоминанію о Пушкинѣ, потому что Пушкинъ, даже какъ исключительный художникъ, былъ великой созидающей силой нашей литературы; никогда не было сомнѣнія и въ томъ, что Пушкинъ былъ страстнымъ патріотомъ, но уже одни споры о томъ, въ какой степени онъ могъ стать писателемъ того социальнаго характера, о какомъ говоритъ Бѣлинскій въ приведенной цитатѣ, указываютъ, что въ свое время онъ имъ не былъ, не былъ настолько, чтобы это было всѣми прочувствовано, чтобы это стало исторической чертой его личности. Дѣлать предположенія о томъ, чѣмъ бы онъ сталъ въ будущемъ, разумѣется, бесполезно... Повторимъ опять, что тѣхъ общихъ свойствъ его нравственнаго содержанія, какія были нѣкогда указаны Бѣлинскимъ, въ соединеніи съ художественной геніальностью, было достаточно, какъ для того, чтобы сдѣлать Пушкина могущественнымъ двигателемъ литературы, такъ и для того, чтобы привлечь къ нему глубокую привязанность далекихъ поколѣній. Но геніальный поэтъ, Пушкинъ по своимъ общественнымъ взглядамъ былъ человекъ своего времени и своего круга, и этихъ частныхъ его идей могли и могутъ не раздѣлять и люди, при-

даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное любви и вражды мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго“.